

Лу Жун с отрешенным видом наблюдал за мужским стриптизом на сцене. С непоколебимой серьезностью он произнес Фан Цин:

— Я несовершеннолетний.

— Я закажу тебе женские вино, — беспечно отмахнулась Фан Цин, с наигранной тоской качая головой. — Двадцать лет назад, в твоем возрасте, я была королевой дискотек нашего города.

Лу Жун:

— А как же школа?

Фан Цин:

— Бесполезно.

Лу Жун:

— ...

Он забыл про ее неоконченное среднее.

Фан Цин обвила его плечи рукой:

— Жунжун, завтра твоя мамочка станет чьей-то невестой и перестанет принадлежать только тебе. Давай сегодня напьемся вдрызг.

Лу Жун:

— ...

Фан Цин смотрела на него с притворной нежностью:

— Жунжун, ты можешь выкладывать матери все свои секреты, относись ко мне, как к лучшей подружке.

Лу Жун потерял дар речи:

— Я вообще-то парень.

Фан Цин всплеснула руками:

— Ах, ты грустишь? Мама влюбилась. Он такой обходительный, элегантный, умный, успешный. Когда другие мужики лысеют и расплываются, он все еще как Бай Яньсун с экрана телевизора. Он моя настоящая любовь. Мы с ним каждую неделю ходим в кино. А ты сидишь дома и делаешь уроки, занууда. Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Лу Жун залпом осушил свой коктейль и обратился к бармену:

— Повторите.

Его мать действительно считает его своей лучшей подружкой или пластиковой сестрой, и это раздражает.

Фан Цин прильнула к его плечу:

— Бедненький мой, мама всегда будет тебя любить. Скажи только, что не хочешь этой свадьбы...

Лу Жун:

— Я желаю тебе счастья.

Фан Цин:

— ...Все равно бы не послушалась. Но могу пообещать кое-что другое, на этот вечер.

Лу Жун потянулся за вторым бокалом:

— Правда? Что угодно?

Фан Цин на мгновение задумалась и ответила:

— Правда.

Лу Жун насторожился:

— О чем ты думала последние две секунды?

Фан Цин невинно отвела взгляд:

— Ни о чем.

Лу Жун: «Ага, как же. Отвратительно». И снова опрокинул бокал.

Фан Цин:

— Если тебе скучно, я пойду потанцую~

Лу Жун:

— А я думал, ты останешься со мной до утра.

Фан Цин:

— Так и планировала, сбежала со свадебной репетиции, чтобы не мучиться на каблуках всю ночь, а ты? Ты менее страстный, чем дядя Цзи.

Лу Жун:

— Не сравнивай меня с сорокалетним мужиком.

Фан Цин серьезно возразила:

— Ну, это ты зря, дядя Цзи горит на работе, у него золотые руки.

Лу Жун допил вино, с отчаянием проглотил и крикнул бармену:

— Еще! И покрепче!

Фан Цин выпятила грудь, украшенную громоздким бриллиантовым колье, и повернулась к нему:

— И он подарил мне ожерелье за тринадцать миллионов. А ты даришь мне только самодельные открытки на Цинмин.

Какой-то тип лет двадцати с небольшим подошел и спросил:

— Привет, танцуем?

Лу Жун встал на защиту Фан Цин:

— Извините, она завтра выходит замуж.

Тип моргнул:

— Я вообще-то к тебе обращался.

Лу Жун:

— ...

Фан Цин спрыгнула с барного стула и оттолкнула незнакомца:

— На глазах у такой красотки клеиться к мальчику? Совсем страх потерял?

Мужчина:

— Я гей.

Фан Цин с нажимом толкнула его еще раз:

— Знаешь, кто сегодня женился на моем сыне? Он божественный красавчик!

Лу Жун:

— ...

Бармен поставил перед Лу Жуном вино, но тот тут же отодвинул его:

— ...Замените на пятидесяти двух градусный эрготоу «Красная звезда».

Фан Цин отлучилась в уборную, а когда вернулась, обнаружила, что ее сын, накачавшись «Красной звездой», выскочил на сцену, отпихнул танцоров и теперь вытворяет что-то невообразимое на сесте.

Фан Цин обратилась к бармену:

— Дайте мне десять роз. Я хочу закидать ими молодого человека на сцене.

Бармен невозмутимо протирал стакан:

— Кажется, это ваш сын.

Фан Цин уставилась на Лу Жуна и с важным видом покачала головой:

— Поправка, он вообще-то сын моей лучшей подруги и брата моего бывшего мужа, но я считаю его своим. Не могу позволить, чтобы мой сын впервые танцевал у шеста в баре, и чтобы старая тетка не затыкала ему труссы розами – он не должен проиграть на старте жизни.

Бармен:

— ...

Фан Цин строго добавила:

— Только не говорите, а то люди подумают, что он подкупил публику.

В десять вечера Цзи Тун уселся за стол и позвонил Фан Цин, сидевшей в окружении десяти пустых бутылок:

— Твоя вечеринка закончилась? Хотя, кажется, нет... Пора бы тебе возвращаться, завтра свадьба.

Фан Цин:

— Эге-гей! Чувствую, жизнь бьет ключом! Чувствую себя на вершине мира! Жунжун, сорви с себя еще что-нибудь!

Цзи Тун:

— ...

Цзи Вэньфэн, закончив монтаж видео, пришел поужинать, открыл холодильник и достал газировку. В этот момент он услышал, как Цзи Тун недоверчиво спросил у него за спиной:

— Ты что в баре с Лу Жуном?

Цзи Вэньфэн обернулся, бросил на него ледяной взгляд и открыл бутылку одним движением руки.

Цзи Тун вздрогнул, сглотнул, отвернулся и пробормотал в телефон:

— Фан Цин, тебе нужно срочно возвращаться, у нас пропускной режим...

Фан Цин:

— Какой еще режим? Ты ничего не говорил.

Цзи Тун:

— А теперь есть, сейчас... заканчивается в одиннадцать вечера. — Он взглянул на часы.

Цзи Вэньфэн отрезал:

— В десять.

Цзи Тун:

— ...В десять. Вы нарушаете правила.

Фан Цин удрученно вздохнула:

— Ну ладно.

Вскоре после этого она вернулась, еле держась на ногах, вместе с Лу Жуном, который тоже был изрядно пьян.

Цзи Тун подхватил Фан Цин, все еще выкрикивающую «Эге-гей!», а Цзи Вэньфэн подхватил на руки Лу Жуна и, холодно глядя на Цзи Туна, застыл на месте.

Цзи Тун, пораженный силой сына, бессвязно пробормотал:

— Я... я сожалею о сегодняшнем вечере...

Цзи Вэньфэн мрачно отрезал:

— Приятно слышать. Но это не должно повторится. — С этими словами он развернулся и понес Лу Жуна наверх.

Цзи Тун стоял, задумавшись:

— Зачем я извинился?

Затем он снова посмотрел наверх и подумал: «А ведь Сяо Фэн с Жунжуном на руках – красивое зрелище».

Цзи Тун наклонился, намереваясь повторить позу сына и подхватить Фан Цин, но тут же раздался щелчок.

Телефон в кармане Цзи Вэньфэна зазвонил, и раздался глубокий, зрелый голос Цзи Туна:

— Сяо Фэн.

Цзи Вэньфэн:

— Что?

Цзи Тун:

— Я сорвал спину, спустись и помоги мне.

Цзи Вэньфэн:

— ...

На следующее утро Лу Жун проснулся с адской головной болью. Он взглянул на настенные часы – было уже больше девяти. Прищурившись, он спустился вниз, чтобы поесть. Дом был украшен свадебными надписями, но стояла тишина, будто никого не было. Тетушка приготовила ему похмельный суп, и он сел за стол, медленно поглощая его и пытаясь перезагрузить мозг. После вчерашнего разум отказывался работать, он чувствовал себя оглушенным.

С некоторым усилием он вспомнил, кто он, где он и что он делает, и до него дошло, что сегодня – знаменательный день для Цзи Туна и Фан Цин. Они, должно быть, уже умчались в отель, чтобы готовиться и провести первую брачную ночь в президентском люксе Боюэ Лунху.

Говорили, что после они планируют отправиться в свадебное путешествие за границу.

Перебрав в голове все этапы их свадьбы, Лу Жун понял, что к нему это не имеет никакого отношения. Его роль помощника завершилась на вчерашней репетиции. Сегодня ему оставалось только вовремя явиться на банкет, сидеть за столом со своим именем, ловить подарки и участвовать в викторине с призами. С облегчением вздохнув, он подошел к плите, взял еще теплые рисовые шарики и с удовольствием съел их.

Внезапно в дверях появился Цзи Вэньфэн. Лу Жун перестал жевать. Вид у Цзи Вэньфэна был ужасный, под глазами залегли черно-синие тени, было видно, что он плохо спал. Это сделало его и без того холодное и суровое лицо еще более серьезным и отчужденным.

Цзи Вэньфэн скрестил руки на груди и холодно спросил:

— Где ты был прошлой ночью?

Лу Жун медленно перебирал в памяти события вчерашнего вечера. Он пошел в ночной клуб с Фан Цин и напился до беспомысленности. Это же скандал! Какая мать тащит своего сына-подростка в ночной клуб? Даже если ты второй партнер по браку, это слишком возмутительно. Если Цзи Вэньфэн воспользуется этим и припомнит все Цзи Туну, свадьба может сорваться. Возможно, Цзи Тун будет держать свадебный букет и крикнет Фан Цин «Легкомысленной женщины!», а потом сбежит, оставляя остаточное изображение, как герой японского телесериала.

Ради будущего Фан Цин он должен сохранить это в секрете.

Безмолвно поставив на стол шарики из клейкого риса, он скользнул к выходу.

Цзи Вэньфэн, словно статуя из льда, проводил его взглядом. Когда Лу Жун поравнялся с ним, он преградил дорогу, упершись ладонью в дверной косяк:

— Я задал тебе вопрос.

Лу Жун обдумывал свои чувства, а затем непокорно бросил в лицо Цзи Вэньфэну:

— Какое это имеет отношение к тебе? Ты мне не брат.

С этими словами он просочился мимо, но вернулся, схватил со стола шарики и снова юркнул мимо, исчезая в коридоре. До тех пор, пока Фан Цин не станет счастливой невестой, он не проронит ни слова, пусть даже для этого придется разыграть холодную войну с Цзи Вэньфэном. Он должен хорошо сыграть.

Он ворвался в свою комнату, захлопнул дверь и, усевшись за стол, принялся жадно уплетать

рисовые шарики. Внезапно зазвонил телефон. Фан Цин.

— Что случилось? — выпалил он.

В трубке царил хаос. Фан Цин, понизив голос до шёпота, пролепетала:

— Жунжун, ты не спишь?

По её дрожащему голосу Лу Жун сразу понял - впереди неприятности:

— В какую передрягу ты угодила на этот раз?

— Да ничего особенного, хе-хе... Мама просто хотела узнать, хорошо ли ты спал... хе-хе...

— Считаю до трёх, — отрезал Лу Жун.

Голос Фан Цин дрогнул:

— ...Я потеряла ожерелье.

Ложка выпала из рук Лу Жуна и с глухим стуком ударилась о край миски.

— То самое, за тринадцать миллионов?

Фан Цин едва сдерживала рыдания:

— ...Я хотела надеть его сегодня на свадьбу.

— ...

После паузы в трубке раздался голос Цзи Туна:

— Фан Цин! На площадку! Ты закончила макияж? Где твоё ожерелье?

Лу Жун услышал, как Фан Цин прикрыла микрофон рукой и прошептала Цзи Туну:

— Ожерелье дома. Я попросила Жунжуна поискать. Можно я пока надену подделку? Все образы с одним ожерельем немного однообразны и скучны.

— ...

Почуввав неладное, Фан Цин переложила вину на Лу Жуну, выкрикнув в трубку, так, чтобы все слышали:

— Я же просила положить ожерелье в мою сумку! Просила! Но тебе же надо было покрасоваться перед братом Сяо Фэном! Немедленно найди и привези его!

Вздыхнув, Цзи Тун обратился к Лу Жуну:

— Жунжун, после свадьбы я подарю тебе ожерелье, какое только пожелаешь. Но сейчас верни то, первое. Умоляю, привези его через час! Нам нужно ехать на съёмки.

— Да! Я хочу увидеть ожерелье через час! — прокричала Фан Цин и, не дожидаясь ответа, бросила трубку. Тут же прилетело сообщение в Вичате, пока Цзи Тун не видел: «Жунжун!!! Умоляю!!! вспомни, как я тебя растила! Помоги мне на этот раз!!!!»

— ...

Закрыв мессенджер, Лу Жун уставился на недоеденную еду. В животе скрутило от дурных предчувствий.

Необходимо срочно найти пропажу. Последний раз он видел ожерелье на Фан Цин вчера вечером в ночном клубе. После этого она поехала домой... должно быть, так. Он отправил ей сообщение для подтверждения. Рассуждая логически: если повезёт, она оставила его дома, если нет - в клубе.

От одной мысли о том, что ожерелье затерялось в ночном клубе, его пробрал озноб. Десятки миллионов, оставленные в клубе, - это как велосипед, забытый на овощном рынке.

Узнав у Фан Цин стиль и название ожерелья, он нашёл фотографии в Байду, переслал их своим товарищам и отдал приказ: немедленно отправиться в клуб «Глубокая ночь» и разузнать о местонахождении украшения.

— Мы теперь частное детективное агентство? — отозвался Ли Наньбянь.

— Можешь считать и так, — ответил Лу Жун.

Ли Наньбянь мгновенно вошёл в роль:

— Как выглядит клиент? Мужчина или женщина? Когда произошла потеря?

— Женщина средних лет, вчера вечером.

— Принял. Сейчас поговорю с мальчиками, моделями, молодыми господами и прочими...

Янь Гоу молниеносно раздобыл информацию обо всех мужчинах, занятых в сфере интимных услуг «Глубокой ночи», и выложил её в групповой чат.

— Старина Янь, как ты находишь всю эту непристойную порнографию? — изумился Ли Наньбянь.

— Именно благодаря порнографии я так искусен в её поиске, — хмыкнул Янь Гоу.

— Как мужчина может быть проституткой, если он такой некрасивый? — спросил Ли Наньбянь, пролистывая список.

— А вы заметили, тут есть парень с докторской степенью? — вклинился Лян Вэньдао.

— Не слишком ли поздно нам сейчас начинать усердно учиться? — вздохнул Ли Наньбянь.

Лу Жун:

— ...

— Не забудьте взять с собой Дэн Тэ, на всякий случай, — напомнил Лу Жун.

Пока Ли Наньбянь, Янь Гоу, Лян Вэньдао и Дэн Тэ спешили в «Глубокую ночь», Лу Жун высунулся из двери, убедился, что в коридоре нет и следа Цзи Вэньфэна, и прокрался в спальню Цзи Туна и Фань Цин. В комнате была просторная гардеробная. Если ожерелье осталось дома, оно должно быть здесь.

Он принялся методично обыскивать ящик за ящиком. Открыв первый, он замер в шоке. На прикроватной тумбочке обнаружилась коробка... с распакованными презервативами.

— ...

Хуже всего было то, что ящик заклинило. Что-то мешало ему закрыться. Он несколько раз пытался понять, что именно, и залез рукой внутрь. В итоге извлёк оттуда ярко-жёлтое кружевное бельё, лёгкое, как крыло цикады. Откровеннее он ещё никогда не видел.

— ...

Ему срочно нужен окулист.

В этот момент сзади раздался низкий, бархатный голос Цзи Вэньфэна:

— Что ты делаешь?

Лу Жун, не раздумывая, сунул жёлтое бельё в карман брюк.

На данный момент открыт только первый ящик, и тот не для нижнего белья, а для разных вещей, если опрометчиво положить бельё в него, то в случае проверки у Цзи Вэньфэна появятся подозрения. А открывать второй ящик на глазах у Цзи Вэньфэна было слишком рискованно — слишком долго и шумно. Решено. Он должен замести следы.

Убедившись, что сексуальное нижнее бельё надёжно спрятано, Лу Жун обернулся и попытался изобразить невозмутимость.

Лицо Цзи Вэньфэна стало ещё мрачнее:

— Кто тебе разрешил сюда входить?

Лу Жун судорожно соображал. Если сказать, что ищет ожерелье, всё рухнет. Что, если оно в клубе? Тогда раскроется, что Фан Цин ходила в ночной клуб!

Поэтому он не мог рассказать всю правду, а лишь намекнуть, недоговорить.

— Мама попросила меня кое-что найти.

Взгляд Цзи Вэньфэна упал на верхний ящик:

— Что ищешь?

— ...

Нельзя говорить глупости. Если он скажет что-то не то, вроде уже нашел, то как продолжать поиски ожерелья?

Видя, что тот молчит, Цзи Вэньфэн холодно процедил:

— Отойди. Я хочу проверить.

Лу Жун знал, что в ящике. Если Цзи Вэньфэн заглянет туда, то решит, что Лу Жун ворует презервативы. Он готов взять на себя вину Фан Цин, но эта ноша слишком тяжела.

Он попытался остановить Цзи Вэньфэна:

— Ты что, подозреваешь меня в воровстве?! Ты за кого меня принимаешь?

Несмотря на примерно одинаковый рост, Цзи Вэньфэн был сильнее. Он оттолкнул Лу Жуну к кровати, присел на корточки и открыл ящик. И увидел коробку с презервативами.

— ...

Цзи Вэньфэн медленно поднял голову, испепеляя его взглядом:

— Твоя мать просила тебя взять это?

Лу Жун понял, что его мозг уже не в состоянии придумать что-либо правдоподобное. Сопротивление бесполезно. Он развернулся и принялся искать ожерелье в другом месте. Цзи Вэньфэн, скрестив руки на груди, прожигал его спину взглядом, словно прожектором: вчера ночью он вернулся домой с розами и деньгами, а сегодня утром ворует презервативы из спальни родителей. Да, Лу Жун ты просто потрясающий.

<http://bllate.org/book/15338/1355590>